

МУРЗИЛКА

2 ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

ФЕВРАЛЬ 1963

ПОНЕДЕЛЬНИК		4	11	18	25
ВТОРНИК		5	12	19	26
СРЕДА		6	13	20	27
ЧЕТВЕРГ		7	14	21	28
ПЯТНИЦА	1	8	15	22	
СУББОТА	2	9	16	23	
ВОСКРЕСЕНЬЕ	3	10	17	24	

13 февраля 1922 года в Краснопресненском районе Москвы комсомольцы создали первый пионерский отряд.

26 февраля 1869 года родилась Надежда Константиновна Крупская, жена и друг Владимира Ильича Ленина.

Надежда Константиновна была одним из основателей пионерской организации.

4 февраля 1963 года. В этот день исполняется 90 лет со дня рождения писателя Михаила Михайловича Пришвина.

Прочтите, ребята, написанные Михаилом Михайловичем для вас книжки: «Лисичкин хлеб», «Золотой луг», «В краю дедушки Мазая», сказку-быль «Кладовая солнца».

23 февраля 1943 года совершил свой легендарный подвиг комсомолец Александр Матросов.

Как рос и воспитывался герой! Об этом вы можете узнать из книги П. Т. Журбы «Герой Советского Союза Александр Матросов».

23 февраля 1963 года Советской Армии и Военно-Морскому Флоту исполнится 45 лет.

Рис. М. МЕЖЕНИНОВА

П-64-8001

МЕДВЕЖАТКА

Сергей КРУШИНСКИЙ *Рис. А. БРЕЯ*

— Домой хочу... К маме хочу... — приговаривал мальчик, и хныкал, и тёр кулачками глаза, и вот-вот готов был разреветься.

— Молчи, Мишенька, тише, а то нас убьют, — шептал отец и с ужасом видел, что ребёнок не понимает его.

— И пускай. Тут холодно, я домой хочу!

— Нам нельзя домой.

— А почему?

— Потому что у нас фашисты. Потому что идёт война и нашу землю захватил страшный враг.

— А я хочу! Пусти!

Мальчик вырвался из отцовских рук и, забившись в угол, всхлипывал. Ещё минута, и он заплачет в голос, и тогда враги найдут их. Отец уже ничего не мог сделать. Он даже не мог поймать сынишку и зажать ему рот. Ведь он лежал без движения, весь в бинтах.

Сверху донеслось пиликанье губной гармошки на сильных переборах. Там, в избе, расположились фашисты, а отец и сын хоронились в сыром подвале, заросшем по потолку бородатыми грибками. Слабый свет коптилки терялся в углах.

— Ну, хочешь, я расскажу тебе сказку? — предложил отец.

Мальчик продолжал всхлипывать, но уже реже и тише. Он выбирал, что лучше — расплакаться или послушать сказку. Наконец он спросил:

— Про Медвежатку?

— Ну, конечно, про Медвежатку, а то про кого же ещё!

На худом, обмороженном до черноты лице отца мелькнула слабая улыбка. Но что было рассказывать? Как назло, все сказки забылись.

— Жил-был маленький Медвежатка... — начал отец наобум.

— А он был беленький?

— Да, да, он был беленький. И он был очень хороший. Слушался папу и маму, не мазал чернилами стен и не вырезал из книжек картинки. И за это все его любили. Папа после работы часто таскал его на закорках, а Медвежатка хлопал в ладоши и пришпоривал его своими маленькими кривыми лапками...

Отец теперь знал, о чём он расскажет сыну. Свободно и ласково, хотя и очень тихо, он продолжал:

— Они жили в Лесной стороне большого Справедливого царства. Если бы ты только знал, какие в этой стороне дивные растут деревья! Могучие дубы и стройные сосны в иных местах совершенно закрывают небо. А сколько сладких ягод, сколько кислых вкусных трав, а грибы так хороши, что их даже можно есть без соли! На крышах домов живут огромные аисты. Каждую весну они приносили счастье Лесному краю.

Тут Миша сказал:

— Погоди, папа, дай мне попить.

— Мишенька, у нас нет воды.

— Ну, ты принеси. Я хочу!

— Хорошо, принесу. Ты только послушай, что случилось дальше. Однажды на Справедливое царство напали волки.

— А они были злые?

— Очень злые. И очень сильные, потому что их было много, и они делали всё по команде — и рычали и скалили зубы. И даже, уставая, они свешивали языки все на один бок. И знаешь? Злые волки стали хозяйничать в Лесной стороне. Они всё отнимали. И стали обитатели Лесной стороны плакать и умирать от голода.

— А Медвежатка?

— Они нашли Медвежаткину берлогу и взяли весь хлеб и часы со стены, а Медвежаткиного папу хотели убить.

— Папа, не надо, я не хочу страшную сказку! — вдруг взмолился Миша.

— Успокойся, детка, дальше будет не так страшно. Медвежаткин папа убежал в лес, и они его не убили. Это был Друг лесов и садов. Он вырастил много красивых яблонь, и на них росли крупные и румяные яблоки. За это его уважали в Зелёной Дубраве, а слух о нём прошёл по всей Лесной стороне. Его называли Добрым Медведем. Вот сидит он в овраге, загоревал немного, смотрит — один за одним идут в лес его товарищи. Обнялся с ними Медведь и говорит:

«Теперь, когда мы вместе, нам никто не страшен».

Собрались обитатели Зелёной Дубравы и начали войну со злыми волками — войну не на жизнь, а на смерть. И все, кто не мог воевать, помогали им. Даже беззаботная Кукушка старалась помочь. Когда, услышав её кукованье, волки спрашивали, сколько лет им осталось жить, она сейчас же умолкала и этим, конечно, приводила их в бешенство. И по всей Лесной стороне тоже гремели выстрелы.

Долго ли, коротко ли шла война, а только начали волки слабеть. А я позабыл тебе сказать, что они ведь не всё Справедливое царство завоевали. Остались свободны и сторона Широких равнин, и сторона Поднебесных гор, и сторона Тёплых морей. Собралось там огромное Справедливое войско и ополчилось всей силой своей против Волчьего царства, стало убивать злых волков из огромных пушек и бросать на них бомбы с неба.

Не выдержали волки. Поджав хвосты, стали они уходить. Но, уходя, они сжигали все оставшиеся дома, и вырубали все сады, и вытаптывали все посевы, а обитателей Лесной стороны под страхом смерти угоняли в своё Волчье царство. Видят лесные дружины: дело плохо. Вот и говорит своей дружине Медвежаткин папа, старый Добрый Медведь:

«Ведь я Друг лесов, я знаю всякую, даже самую маленькую, тропинку. Пойду я и незаметно приведу в Зелёную Дубраву солдат Справедливого войска, и тогда мы спасём наших деток, а злых волков не выпустим живыми».

Он взял троих помощников и пошёл. Пришлось Доброму Медведю брести без дорог, обходить поляны, прятаться в сугробах от погони. Шёл он с товарищами день, шёл другой, шёл третий. Съели они весь хлеб и обессилели от голода да ещё обморозили себе носы, руки и ноги. Вот и говорит Добрый Медведь:

«Пусть мы погибнем, но наша родная Белоруссия будет жить».

Тут Миша спросил из своего угла робким голосом:

— Папа, он чего сказал?

— Он сказал: «Пусть мы погибнем, но наша Лесная сторона будет жить. Мой дом близко. Найди этот дом, мой старинный приятель Лис, ты выглядишь здоровее нас, и у тебя хва-

тит сил. Пусть заботливая Медведица пойдёт дальше вместо меня, а нас пусть найдут и спрячут».

Он велел поцеловать Беленького Медвежатку и отдал для него последнее своё богатство — маленький кусочек сахару.

И правда, Хитрый Лис всегда говорил, что он, как сын, предан Доброму Медведю. Когда Добрый Медведь был хозяином лесов, Лис служил у него писцом. Он часто приносил Медвежатке сладостей — Лисичкин гостинец и сопровождал Доброго Медведя на прогулках. При этом, когда Добрый Медведь хотел закурить, Лис зажигал спичку, а когда он хотел сесть на пенёк, Лис своим пышным хвостом сметал снег.

Но он был хитрый и коварный. Он и силы сохранил только потому, что в пути съедал коечто лишнее из общих запасов. Вот шёл он, шёл, устал ещё пуще, смотрит, а на перекрёстке тропинок стоит Злой Волк — зубы оскалил и озирается по сторонам. Испугался Хитрый Лис и стал думать так: «Ох, не дойду я к Беленькому Медвежатке, замёрзну, занесёт меня снегом, и никакой мне не будет пользы оттого, что я сохраню верность Доброму Медведю и Лесной стороне. А лучше пойду я к злым волкам, а чтобы они меня не съели, расскажу им, где валяется Добрый Медведь. Ведь он всё равно не выживет — нет пользы в его дружбе».

Хитрый Лис съел Медвежаткин сахар и пополз к Злому Волку на брюхе, почтительно ударяя хвостом по снегу.

Услышали волки его рассказ, защёлкали зубами и помчались убивать Доброго Медведя и его двоих товарищей. Но те, хотя и были очень слабы, вступили в драку и немало пустили по ветру волчьей шерсти, а потом, израненные, уползли в глухой овраг.

Там двое умерли, а Добрый Медведь остался один и смотрел кругом, прощаясь с любимой Дубравой...

Деточка, не трогай глазки — ведь он не умер! Медвежаткина мама услышала из своего дома, что в лесу стреляли, и пошла туда со своими соседками. Они уже не раз находили там и спасали раненых лесных дружинников.

— А мама была кто? — спросил мальчик.

— Мама? Она учила маленьких зверят читать и писать, — ответил отец.

— Как всё равно моя мама, — заметил мальчик со вздохом.

— Это правда, — сказал отец и продолжал свою сказку: — И нашли они Доброго Медведя. Обогрели его, накормили, перевязали раны. Все ухаживали за ним, и только глупый Беленький Медвежатка не узнавал его и не подходил, а всё прятался по углам.

Тут мальчик бросился в объятия отца со словами:

— Папа, я к тебе подхожу!

— Ты подходишь, ты у меня умненький, — сказал отец, прижимая к своей колючей щеке его пушистую головку.

— И они стали жить да поживать? — продолжал мальчик. — Ну, папа, теперь дай мне попить.

— Что ты, детка! Как же им жить да поживать, когда по Лесной стороне ещё рыскают волки? На другой же день они нагрянули вместе с Хитрым Лисом туда, где жил Медвежатка. Они стали убивать всех направо и налево. Но Добрый Медведь и Беленький Медвежатка спаслись.

— А мама?

— И мама тоже. Она спрятала их, а сама успела уйти по лесной тропе навстречу Справедливому войску.

— А где она их спрятала?

— Она их спрятала в подполе, под берлогой. А в берлоге собрались злые волки. Нужно было сидеть тихо-тихо, но глупый Медвежатка не понимал этого. Он не соглашался заснуть, хотя уже пришла ночь. Он всё время просил воды и даже чуть-чуть не заплакал.

— У них и хлеба тоже не было? — спросил мальчик. — А вот я могу заснуть даже без воды и без хлеба.

И он, самоотверженно отрешась от всего, лёг рядом с отцом на подстилку в углу подпола. Он повздыхал-повздыхал да незаметно и заснул. Задремал и отец. От его жаркого дыхания шевелились светлые волосы на голове сына.

Проснулись они вместе оттого, что зашатались и стали оползать земляные стены их убежища. Пламя коптилки заколебалось. Мальчик в страхе вскочил на ноги. Глаза его стали круглыми, растопыренные пальчики дрожали. Но отец теперь знал, как успокоить его.

— Миша, а ведь Медвежатка не плакал, — сказал он. — Хочешь, я тебе расскажу, что было дальше?

И, завладев вниманием мальчика, он стал рассказывать о том, как Медвежаткина мама пришла к Справедливому войску, как большой отряд пробрался по тайным тропам в глубь Зелёной Дубравы и набросился на злых волков и как в это время Добрый Медведь утешал Медвежатку, который испугался стрельбы.

— Добрый Медведь говорил так: «Скоро придёт мама и с ней Справедливые солдаты. У них в руках ружья, а в сумках вкусные-вкусные солдатские сухари...»

В это время сверху пронёсся крик «ура!», и стрельба стала удаляться, стали слышны спокойные мужские голоса.

Отец продолжал:

— И Справедливые солдаты пришли. Тогда Добрый Медведь закричал: «Мы здесь! Мы здесь!»

Отец кричал это очень громко. И, вторя ему, мальчик тоже стал радостно кричать:

— Мы здесь! Мы здесь!

Подпол открылся, их вытащили наверх. В комнате было полно красноармейцев. Один из них, усатый и добрый, в самом деле угостил мальчика Мишу, или, скажем мы, Беленького Медвежатку, вкусным-превкусным солдатским сухарём. А потом пришла мама.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СНЕГОВИЧКА

Рис. В. ЧИЖИКОВА

— Это ты взял мой мячик!
— Нет, это ты взял мою машину!

— Не надо ссориться! — сказал Мурзилка. — Я сейчас сделаю вам общую игрушку.
И Мурзилка слепил Снеговичка.

Не успел Мурзилка отъехать, как ребята закричали:
— Ворона унесла Снеговичка!

(Продолжение на стр. 17)

КАТЕНЬКА.

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Рис. А. ИТКИНА
45 лет Советской армии

Войны мы не хотим,
Но на посту не дремлем.
В обиду не дадим
Свою родную землю.

Достаточно огня
У войск любого рода.
Надёжная броня
У нашего народа.

Таинственный дом

Юрий КОРИНЕЦ *Рис. Л. ТОКМАКОВА*

Этим летом в лесу, над прудо́м,
Я набрёл на таинственный дом.

Дом глядел на дорогу с пригорка,
А жила в этом доме семья:
Дед, да бабка, да внук их Егорка.
Да неделю гостил у них я.

В доме странные вещи случались,
Хоть волшебники нам не встречались.

Правда, в подполе мышка жила —
Не она ли колдуньей была?

Да жила ещё кошка Ерошка —
Не она ль колдовала немножко?

Да за печкой сверчок проживал —
Может быть, это он колдовал?

Да корова... Но, честное слово,
Не была же колдуньей корова!

А случались там странные вещи —
Оживали железные вещи.

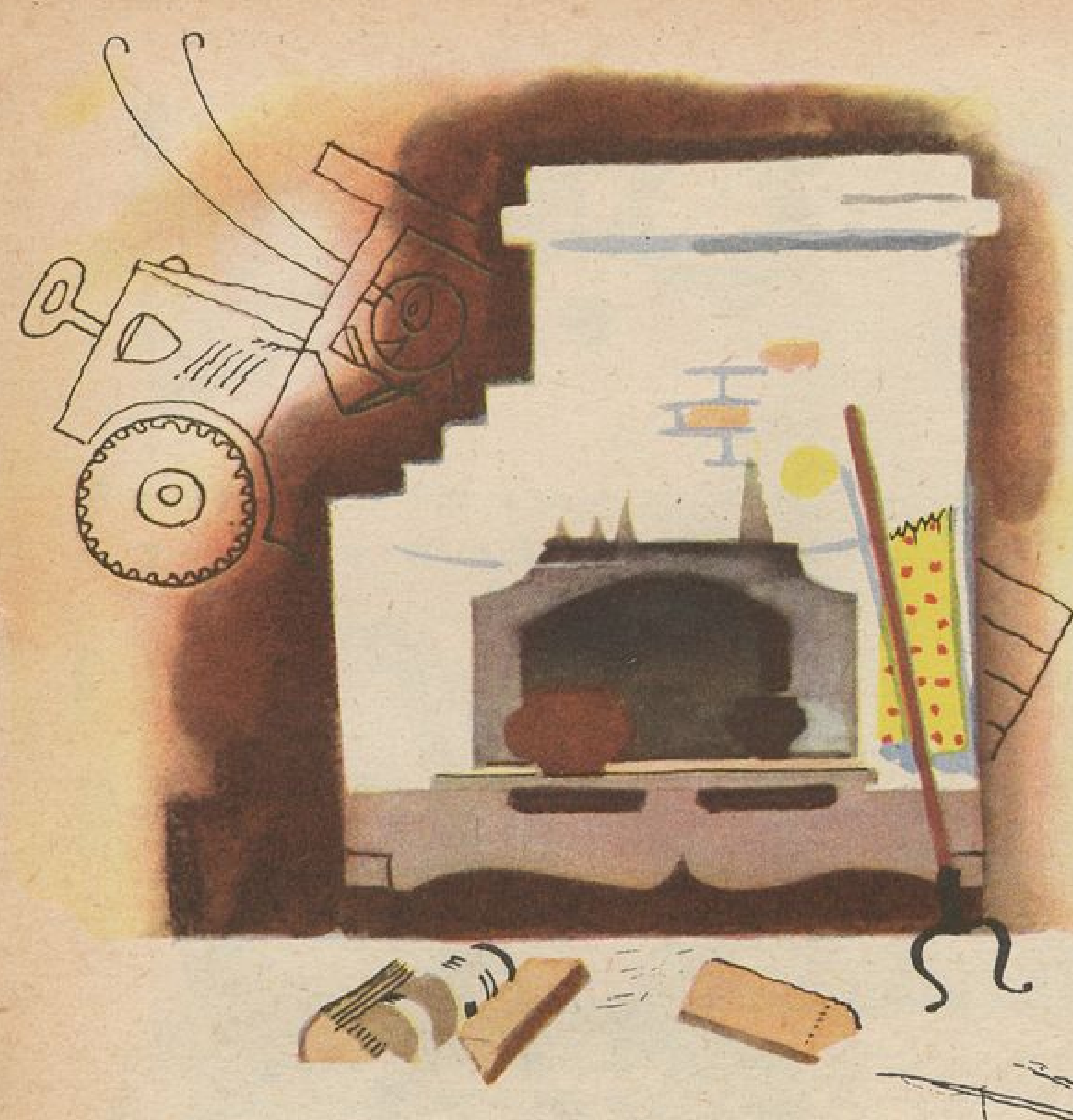
И железные и деревянные —
Прямо скажем, что случаи странные!

Как-то бабушка вышла́ с утра
(В поле выгнать корову пора!) —
А уж двери в сарае не спят:
Так и ходят на петлях, скрипят,
И корова ушла за ворота...
Не иначе хозяйничал кто-то.

Заявляет спросонья Егор:
— Я сарай закрывал на запор.

В огороде,
В лесу,
На крылечке,
А нашли за поленом —
На печке!

Не иначе её в уголок
Сам усатый сверчок уволок,
До рассвета на ней прокатался
И, конечно, доволен остался.

Ну, а как вам такое понравится?
На рыбалку решил я отправиться,
Вышел в сени забрать свои удочки —
Нету удочек! Где мои удочки?

— В этом странного нету ни чуточки,
Это кошка припрятала удочки:
Просто ей захотелось рыбки, —
Объяснил мне Егор без улыбки.

Дед ответил: — Молчи, лежебока!
Поздно вечером спал ты глубоко.
Выходил я последним на двор,
Я сарай закрывал на запор.

— Я вставала, сарай запирала! —
Бабка деду сердито сказала.

Не хотел я встревать в этот спор,
Но сарай я закрыл на запор.
Было поздно, храпели все в доме,
И корова спала на соломе...

Правда, мышка всю ночь не спала —
Может, мышка сарай отперла?

А один раз —
Вот случай чудной! —
Убежал грузовик заводной.

Обыскали мы вместе с Егором
Дом,
И сад,
И овраг под забором.
Мы искали машину
В подушке,
В чемодане,
В ботинке,
В кадушке,

Мы нашли мои удочки
В сене,
Я же помню, что ставил их
В сени...

Да, случались прегрустные вещи,
А бывали дела и похлеще.

Был у деда в сарае верстак —
Дед был в плотницком деле мастак.
Мастерил он с утра для колхоза
Лодки, лавки, кадушки, колёса.

Как-то вечером — век не забуду! —
Дед спустился тропинкою к пруду,
Сел на лавку — глаза протирает:
По воде матерьял удирает!

Доски дедовы под парусами
Отплывают от берега сами!

Дед — к воде,
А навстречу Егорка
(Видит мальчик, что дедушке горько).
Сели в лодку Егорка и дед
И гребут за флотилией вслед...

В доме странные вещи творились,
Словно вещи тайком сговорились.

Как-то раз
Среди белого дня
Убежала у бабки
Квашня!
А один раз —
Представьте себе! —
Я нашёл свою шляпу
В трубе!

А один раз
У нас
Коромысло
За окном на берёзе
Повисло —
В этом вовсе уж не было смысла!

Рядом с нами
Стояли дома,
И вещей в них
Такая же тьма.
Рядом с нами
В одной деревушке
Жили точно такие
Старушки,

И такие же
Старички,
И такие же точно
Сверчки,
И такие же
Кошки
И мышки,
И такие же точно
Мальчишки,
И такие же точно
Коровы,
И такие же гости,
Как я,
Но у них не случалось
Такого,
Не бывало такого, друзья!

Наши любимые художники

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЧАРУШИН

Школа, где я учился, была необычна. В ней обучались вместе и девочки и мальчики. Сначала ребята учились в азбучном классе — там показывали буквы, переходили в приготовительный — там учили читать, а из приготовительного — в первый класс.

Во всех классах были у нас уроки лепки. Бери глины, сколько хочешь, и лепи, что хочешь. Вёл уроки лепки художник Алексей Иванович, наш любимый человек. Он нам ни в чём не мешал, помогал как мог, хотя сам нашу лепку никогда не брал в руки.

Вместе со мной учился Коляпó. Фамилию его я не помню. Может, он был Коля Потанин или Коля Полунин. А мы его звали Коляпó — так проще. Меня тоже звали иначе — не по имени Женя. В нашем классе училась девочка — тоже Женя. Я не хотел по-девчоночьи называться и сам себя звал Ень или Ань. Тогда всем нам было по четыре-пять лет.

Коляпó лепил индейцев, разбойников, я — тоже разбойников. Но нравилось мне лепить животных. Леплю какого-нибудь зверька и приговариваю: «Вот ты какой, ты толстый, неповоротливый, а бегать надо быстро, а то тебя кто-нибудь съест».

Подойдёт Алексей Иванович, послушает. Спросит: «Ты это чего бормочешь?» — «А я с ним разговариваю».

На дворе у нас и у соседей всегда ходили куры, гуси, голуби, козы. Охотники иногда приносили тетёрку-подстрелку, белку. Очень интересно было их кормить, наблюдать, какие они, как они ходят.

Папа — архитектор-инженер — брал меня в поездки по области. Ехали мы через леса, через поля. Видели, как тетёрки с выводками взлетали, напугавшись нас, зайцы бегали по полю. Волки гнались за нами.

Моя бабушка подарила мне Мишку. Только я этого Мишку так и не видел. У меня была ангина, и, когда я выздоровел и пошёл посмотреть, вижу, у бабушки Мишки уже нет, а ба-

РИСУНКИ Е. ЧАРУШИНА

Волчата.

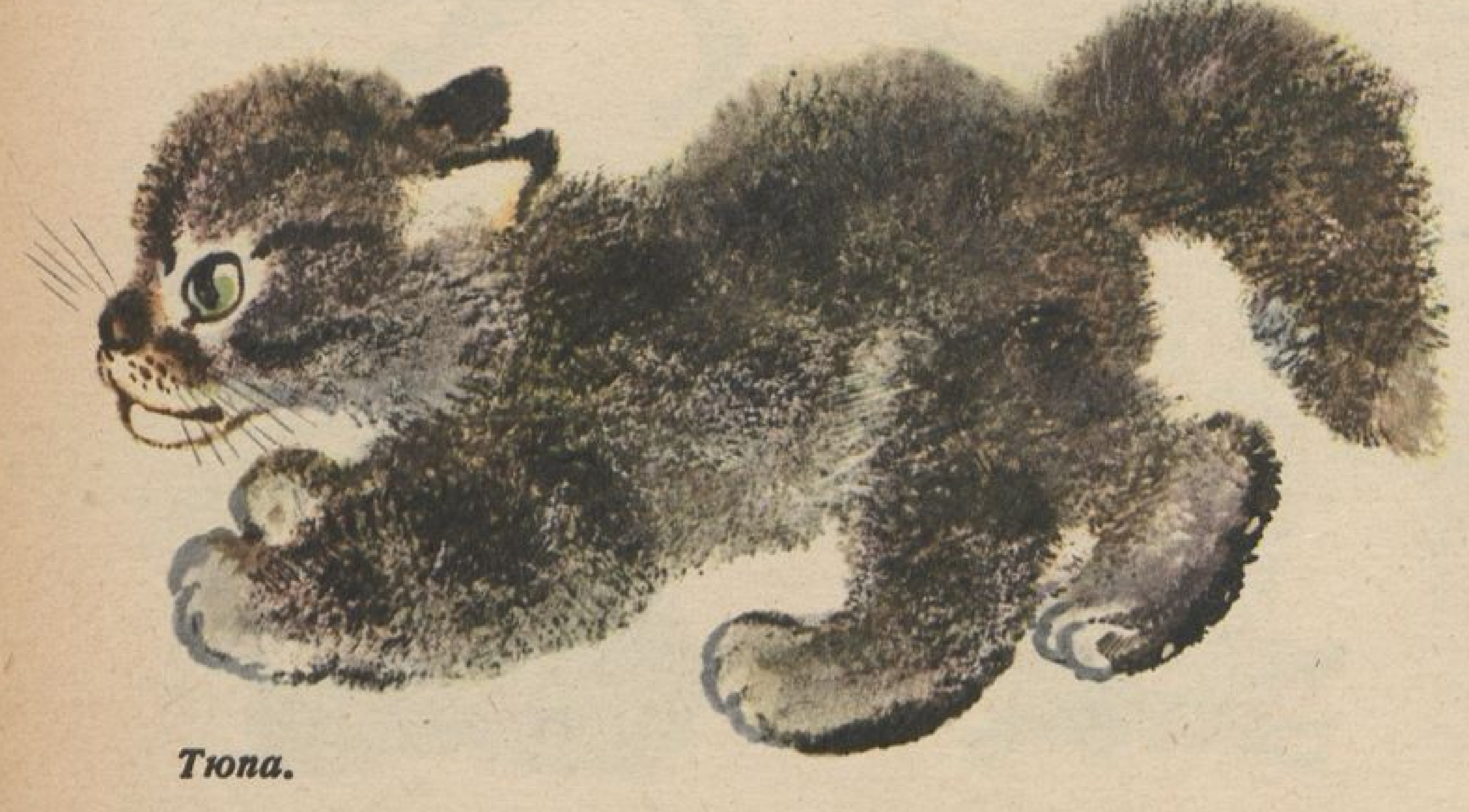
бушка моя чуть не плачет. Он глупый, Мишка, маленький. Он разобрал абажур на лампе, начал играть с подушкой и выпустил все пёрышки. И бабушка его отдала.

Жила у меня ручная белка — Афонька. Она свила себе гнездо на лыжах, которые были подвешены к стенке, как полочка. Ёж Борька, у которого был страшный враг — щётка. Он с ней дрался. Поведёшь по полу щёткой, Борька сразу на неё кинется и рычит и фырчит. Пичуги — чижи и щеглы. И сорока. И волк — не настоящий, а волчишка Прошка.

С охотниками я уходил на охоту. Они мне давали носить ружьё. Потом и сам завёл ружьё. Мне интересно было не стрелять, а взглянуть, кто как живёт и что делает. Потом, когда я вырос, учился рисовать и писать.

Но и сейчас люблю и белку Афоньку, и Мишку, и Прошку и рад, что и вам они нравятся.

Е. ЧАРУШИН

Тюпа.

Обжора.

Плавучий остров

(Окончание)

Борис **ЕМЕЛЬЯНОВ**

Рис. **А. ЕРМОЛАЕВА**

ДОМА

Когда налетела буря, Павел Ватажкин выскочил из дому. Буря могла унести лодку. На крыльце Павел закричал во весь голос: «Николай! Юрий!»

Никто не откликнулся. Тогда он позвал тихонько: «Лидушка!»

Ветер насмешливо свистнул в ответ: «Ищи свищи!»

Лодки на берегу не было. Павел вгляделся в белую кипень волн — пусто. Куда же девались мальчишки?

Наскоро собрав в охапку сети, Павел побежал к дому. На полдороге он увидел: вёсел возле дома нет.

Клавдия Петровна, жена рыбака, только и сказала одно слово: «Отец!» Павел сорвал со стены багор, моток крепких верёвок. До рыболовной станции, где стояли лодки с моторами, надо было бежать две версты.

— Ты, Клавушка, не расстраивайся, лодка надёжная. Верь, найдутся!

Новый шквал с грохотом и лязгом сорвал с крыши железный лист, он косо разрезал листву на ближней берёзе и с силой воткнулся в песок у самого дома. Клавдия Петровна стояла на крыльце неподвижно, как каменная.

Вокруг Павлова дома уже собирались соседки — жёны таких же рыбаков и колхозников, как Павел, ко всему привычные, и к радости и к горю, люди. Откуда-то издалека донёсся рокот умчавшихся на поиски моторок.

Пропавшую лодку так рыбаки и не нашли. Да они и не могли её найти. Не было больше на свете этой лодки.

ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ

— Когда совсем рассветёт, — сказал Колька, — переправимся на берег, к тем соснам, тот остров большой.

Юрка хотел сказать: «Хорошо», — но слово не выговорилось и как-то по-странному застряло в горле.

Лодка стояла на месте, и остров как будто тоже стоял, и волны плясали вокруг, а близкого берега напротив не было. Трёх сосен не было.

Островок, на котором они ночевали, стал за ночь вдвое меньше. Ольха гнулась у них над головами, как говорят, в три погибели, и мальчики оба сразу подумали, что эти самые «погибели», как раз три штуки, по одной погибели на брата, от них где-то совсем близко. Так вот она какая бывает, нежданная-негаданная, настоящая опасность — беда.

Узкая светлая полоска зари, которая только что была от них по правую руку, вдруг поплыла в сторону всё быстрее и быстрее и засветилась в левом углу неба; и тогда они поняли, что остров подмыло водой, сорвало бурей, и он крутится и плывёт неизвестно куда вместе с ними и лодкой, и ветер и волны ломают его на куски... Такие плавучие острова только и держатся на воде силой переплетённых между собой корней кустов и трав.

Колька крикнул отчаянно:

— В лодку! Скорее в лодку! — Бросился поднимать на ноги очумевшую со сна сестрёнку, и в это самое мгновение старая корявая ольха вдруг качнулась вся от верхушки до самых корней и стала падать вперёд, на Юрку, на лодку, выворачивая корнями последнюю, такую маленькую, такую нужную им землю.

Юрка отпрыгнул в сторону как раз вовремя. Тяжёлый серый ствол пронёсся совсем близко и, с треском ломая сухое дерево бортов, придавил лодку к воде. Маленькое судёнышко ещё минуту, как живое, боролось со страшной тяжестью, потом лодка застонала, как человек, и сразу ушла под воду. Лидка твердила тихонько одно и то же: «Мамочка моя! Мамочка моя... Мамочка...» — и не замечала, как Юрка и Колька тем временем верёвкой привязывают и её и себя к верхушке старого дерева.

Остров плыл, разваливаясь у них под ногами, в далёкое бурное Волжское море.

Юрка прошептал упрямо сквозь зубы:

— Со льдины людей снимали. Неужели с острова не снимут?

Колька покачал головой. Юрка снял с себя галстук и протянул его товарищу: «Отдежурил»,— но Колька непонятно мотнул головой, галстук взял, а надевать не стал, ползком пробрался по стволу к вершине лежащей ольхи и привязал галстук к самой её верхней ветке над водой. Галстук, как красный вымпел, затрепетал на ветру.

Юрка спросил:

— Думаешь, заметят?

Колька ответил коротко и зло:

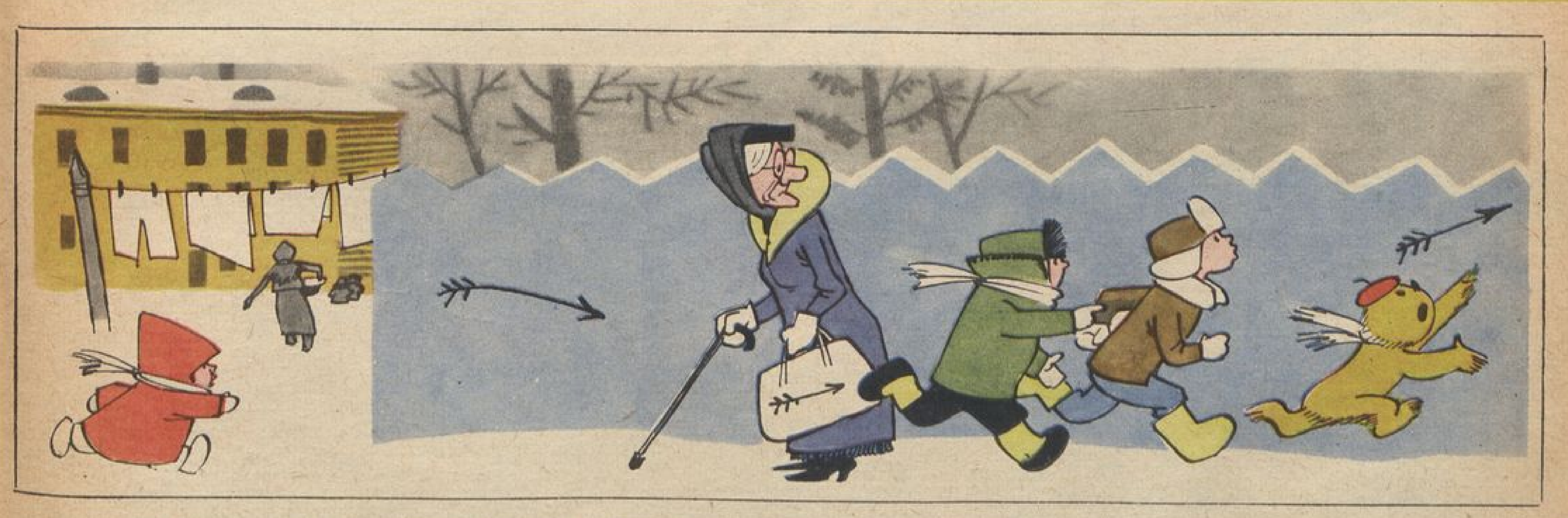
— А если и не заметят, ну и что?

И Юрке вдруг стало не страшно тонуть, сердце его забилось, а в глазах защипало от каких-то особенных слёз, и в ушах, заглушая свист ветра и злобный шум волн, зазвучала любимая отцовская песня о красном знамени и раненом командире.

ЧЕМ ВСЁ ЭТО КОНЧИЛОСЬ

Давно уже совсем рассвело.

Юрка сидел верхом на стволе дерева и упрямо глядел вниз, на воду. Колька стоял с ним

— Снеговичок начертил стрелки угольком, — сказал Мурзилка. — Они покажут нам, куда унесла его Ворона. Скорей на крышу!

(Продолжение на стр. 20)

рядом, вытянувшись во весь рост, и настойчиво вглядывался в даль — искал землю. Лидка, закутанная в парус, о чём-то сама с собой тихонько разговаривала. Так вот и пропадают люди...

А в это время, не видимые и не слышимые ребятами, неслись над ними слова приказов:

— Всем капитанам пароходов! Всем командирам самолётов! Ребята на воде! Ребята пропали! Ищите!

Нырнул под облака учебный истребитель ближнего военного аэродрома. Свернул с курса и, высоко подняв крылья, понёсся по мелководью быстроходный пассажирский катер. Веером разошлись в разные стороны моторные лодки.

Ничего этого ребята не видели, не слышали и не знали.

И когда внезапно, как огромная белая птица, вынырнул вдруг впереди из тумана крылатый корабль, показалось ребятам, что это им только снится. А какой уж тут сон, когда совсем близко, с приглушёнными двигателями подошёл к ним нежданный, неслышный спаситель!

Над белыми барашками волн, над белой палубой тоже вился красный огненный флаг. Вот уже осела на волну по приказу весёлого знакомого капитана сверкающая «Ракета», и капитан на мостике не ругался, не кричал и ни о чём пока их не спрашивал, а стоял прямо и твёрдо, приложив руку к козырьку фуражки. Заметил он, наверно, маленький треугольник пионерского галстука — флаг над погибающим островком, и так уж принято встречать приветствием по всей форме и в радости и в беде плывущих и путешествующих под родным красным флагом. Бережно и смущённо снял Колька с ветки свой галстук, намокший от воды, и ещё бережнее спрятал его на груди. Никогда он не был ему так близок и дорог.

Прошёл ещё день, и прошла ночь, тихая и спокойная, и уж только на третье утро Клавдия Петровна сказала мужу, всё ещё радостно улыбаясь:

— Выпори ты их, отец. Неужели всё им так и пройдёт за здорово живёшь? Быть того не может!

Но Павел Ватажкин ребят пороть не стал.

Всё и кончилось на этот раз добром. А могло бы кончиться худо.

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Рис. М. УСПЕНСКОЙ

Один раз я видел, как одна совсем маленькая девочка учила поросёнка говорить. Поросёнок ей попался очень умный и послушный, но почему-то говорить по-человечески он ни за что не хотел. И девочка как ни старалась — ничего у неё не выходило.

Она ему, я помню, говорит:

— Поросёночек, скажи: «мама»!

А он ей в ответ:

— Хрю-хрю.

Она ему:

— Поросёночек, скажи: «папа»!

А он ей:

— Хрю-хрю.

Она:

— Скажи: «дерево»!

А он:

— Хрю-хрю.

— Скажи: «цветочек»!

А он:

— Хрю-хрю.

— Скажи: «здравствуйте»!

А он:

— Хрю-хрю.

— Скажи: «до свиданья»!

А он:

— Хрю-хрю.

Я смотрел-смотрел, слушал-слушал, мне стало жалко и поросёнка и девочку. Я говорю:

— Знаешь что, голубушка, ты бы ему всё-таки что-нибудь попроще велела сказать. А то ведь он ещё маленький, ему трудно такие слова произносить.

Она говорит:

— А что же попроще? Какое слово?

— Ну, попроси его, например, сказать: «хрю-хрю».

Девочка немножко подумала и говорит:

— Поросёночек, скажи, пожалуйста: «хрю-хрю»!

Поросёнок на неё посмотрел и говорит:

— Хрю-хрю!

Девочка удивилась, обрадовалась, в ладоши захлопала.

— Ну вот, — говорит, — наконец-то! Научился!

ЧЕТЫРЕ ПУТЕШЕСТ

Г. ГРАУБИН

СНЕГ

Бывает снег колючим,
Бывает снег скрипучим.

А есть литой,
Крупчатый,
Как рожь ядрёный снег,
Хоть нагребай лопатой
И засыпай в сусек.

Бывает снег пушистым,
Бывает чёрствым снег.
И даже каменистым,
Как высохший чурек.

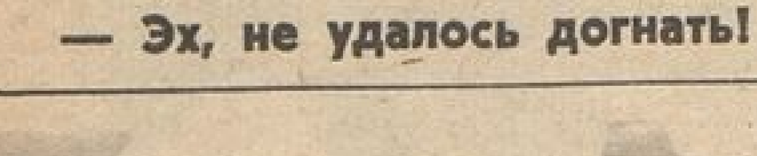
А есть, как сталь, упругий,
Спрессованный пургой,
Его ни взрезать плугом,
Ни распилить пилой...

И в будущую зиму
И в двадцать первый век
Укроет землю
Снег.

Он будет всяким:
Блёклым,
Блестящим, как слюда,
С дорожной пылью в порах,
Сухим, как в банке порох.

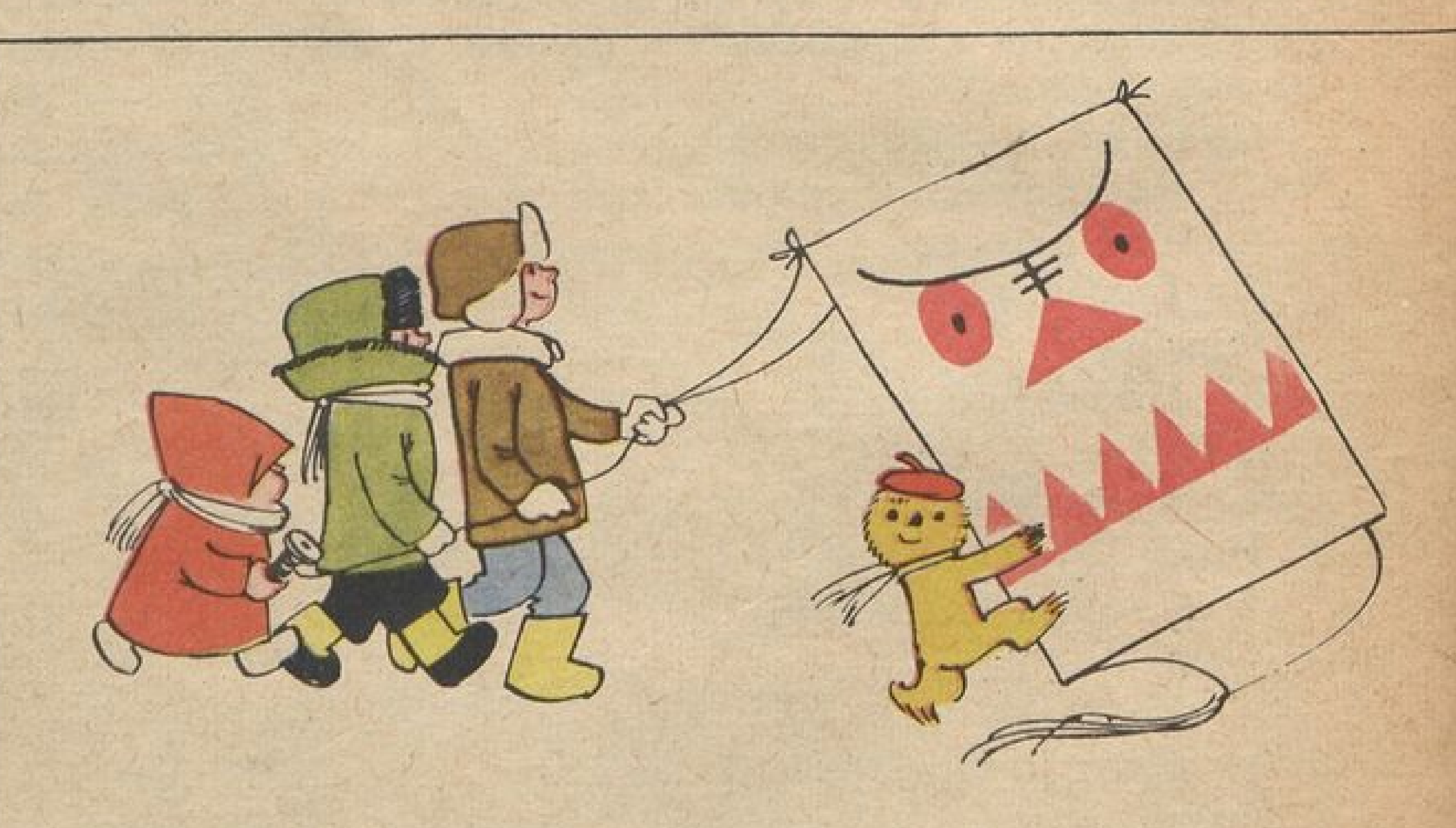
Таким сырым и мокрым,
Что липнет даже к стёклам,
К заборам...

Только тёплым
Не будет никогда.

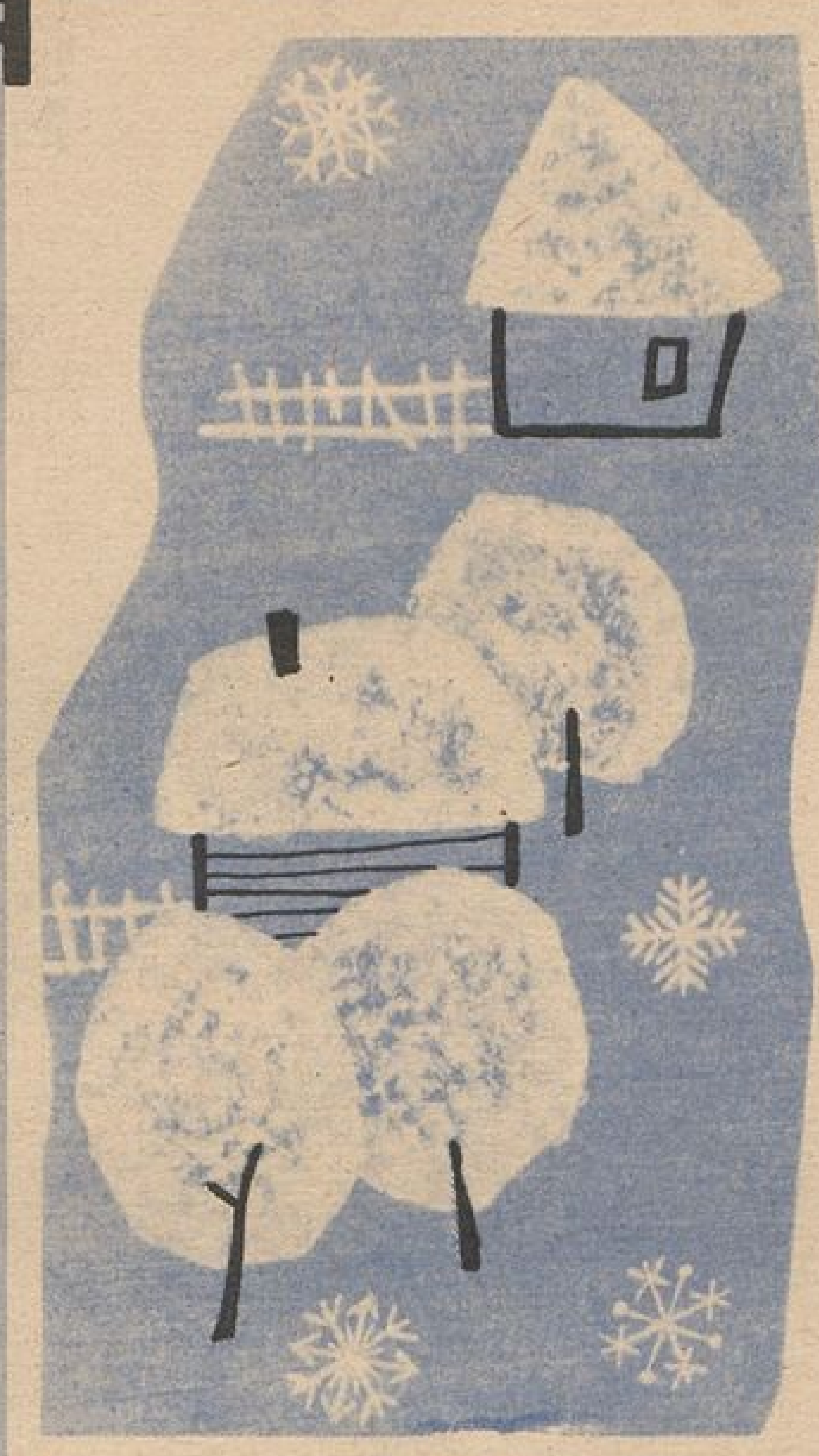

— Эх, не удалось догнать!

— Ага! Вижу её гнездо в Чёрном лесу. Я знаю, как спасти Снеговичка.

Мурзилка сделал змей и нарисовал на нём страшную рожу.
— Надо спешить!

ВИЯ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Всем, всем, всем! Путешествие продолжается! Жду донесений.

Мурзилка

ЗИМА

Путешествие началось. Первые донесения поступили от московских школьников.

«Зимой я был в пионерском лагере. Часто ходил в лес. Он был очень красивый. Все деревья покрыты серебряным инеем. А больше всего мне понравились ёлочки. В зимнем лесу они выделялись из всех других деревьев своим зелёным нарядом. Я сразу вспомнил песенку: «Зимой и летом стройная, зелёная была».

Володя Сухов

«Когда падает снег — это снегопад, а бывает и вьюга. Вьюга наметает много снегу. Лисе трудно заметить зайца. Заяц близко сидит под ёлкой, а лисе кажется, что это снег».

Это письмо Оленьки Грязновой. Она отвечает и на вопрос «Кому снег друг, а кому враг». На этот же вопрос отвечают и другие ребята.

Ирочка Воронова пишет:

«Зимой снег помогает посевам. Он закрывает их и не выпускает тепло».

Саша Карезин добавляет:

«Снег защищает хлеба от морозов. «Много снегу — много хлеба», — так говорится в русской пословице».

А Володя Фурман рассказывает про животных:

«Медведям снег — друг. Мише, когда много снегу, удобно лечь в берлогу, надышать туда тёплого воздуха и спать всю зиму».

— Вот теперь я позавтракаю, — сказала Ворона. — Я очень люблю морковку.

В это время ребята запустили змей.

— Кошма-ррр! — крикнула Ворона и упала в обморок.

(Продолжение на стр. 23)

Рис. И. КАБАКОВА

Радостный Снеговичок вставил морковку на прежнее место и по верёвке съехал вниз. В руках он держал узелок. Победители пустились в обратный путь.

ШТУРМ СНЕЖНОЙ КРЕПОСТИ

Игра

Все ребята, которые хотят играть в эту игру, сначала дружно строят снежную крепость — большой снежный вал. А затем делятся на две группы: одна защищает снежную крепость, а другая штурмует её.

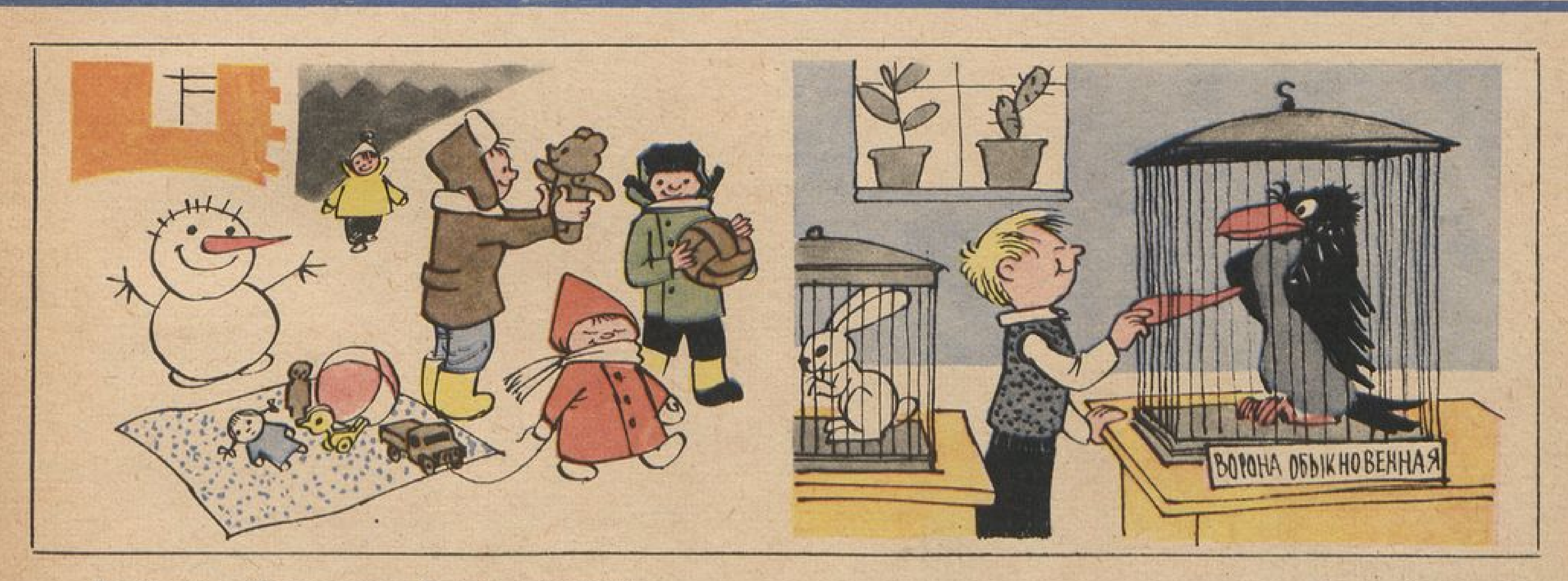
Интереснее играть с мишенями. Каждый играющий делает себе мишень. К небольшой палочке прибивает две поперечные рейки и на них наклеивает бумагу.

Мишень ставят около себя, когда бросают снежки в мишени «противника». А когда обстрел прекращают, мишень кладут на снег, чтобы её зря не пробили.

Попасть в мишень труднее, чем в игрока: нужен очень меткий бросок. Но зато уж если ты угодил в неё снежком и порвал бумагу, мишень выходит из игры, а игрок, которому она принадлежала, должен покинуть передовую линию. Это всё равно, как если бы его самого подбили. С пробитой мишенью он уже не годится в стрелки, бросать снежки ему не разрешается. Но в игре он остаётся. Командир может послать его заготавливать снежки и подносить их своим товарищам, чьи мишени ещё целы.

Перед крепостью, в десяти шагах от неё, проведена черта. Это и есть передовая линия, с которой ведётся обстрел осаждённых. Переступать черту нельзя. Но запрещение это действительно лишь до тех пор, пока у защитников крепости есть ещё непоражённые мишени. Как только последняя их мишень будет пробита, штурмующая группа с криком «ура» бросится на приступ и овладеет крепостью. Тут и конец игре.

Но может и так случиться, что нападающие раньше потеряют все свои мишени, бросать снежки у них будет некому. Тогда осаждённые с криком «ура» выбегут из крепости. Их можно поздравить с успехом — осада снята, они победили!

В узелке Снеговичка были игрушки, которые Ворона унесла в своё гнездо.

(Продолжение в следующем номере)

7840

Рис. Т. ЗУЙКОВОЙ

Ребята!

Вырежьте квадратик, где нарисован петушок, и наклейте его на картон. Проткните булавкой точки, которые вы видите на рисунке. Подберите цветные нитки и вышейте петушка машинным швом, продевая иголку в те дырочки, которые вы сделали.

Вышейте мышку на пароходе. На маленьком образце показано, как подобрать цветные нитки.

Рисунок на обложке В. ЧИЖИКОВА

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв.**

Художественный редактор **Ю. Молоканов**
Технический редактор **Л. Прозорова**

Год издания тридцать девятый. Цена 10 коп. Подп. к печати 10/I 1963 г. Бумага 60×92$^1/_8$. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 2559.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.